

Отец Миши был мастеровым человеком. Слыл Василий Яковлевич в Орле лучшим бондарем. Сделанные его руками бочки шли нарасхват. Соленья, моченья в них получались отменные. А еще печи в домах клал такие, что служили до веку. Прошли десятилетия. Отца уже давно нет, а вот воспоминания детства у Михаила Васильевича к старости так живы, будто все совсем недавно было. В этом году Михаил Васильевич Черных справил свое 80-летие. Вместе с женой Анной Дмитриевной им было что вспомнить...

СУДЬБА ПЕЧНИКА

ТЕ БУЛЫЖНИКИ СНЯТСЯ ВО СНЕ

3 октября сорок первого года Орел оккупировали немцы. В городе начались облавы. В одну из таких облав загребли на улице и рослого шестнадцатилетнего Мишу. Так и очутился орловский парнишка в одном из самых страшных концлагерей в Маутхаузене, расположенном на территории Австрии.

Узники, похожие на живых скелетов, прижимая к груди огромные булыжники, несли их вниз по ступенькам и бросали в котлован. Ступенек было 199... Кто, потеряв последние силы, приседал, получал в затылок пулю. Многие бросались на заграждения, по которым был пущен ток, чтобы не терпеть больше этот невыносимый ад.

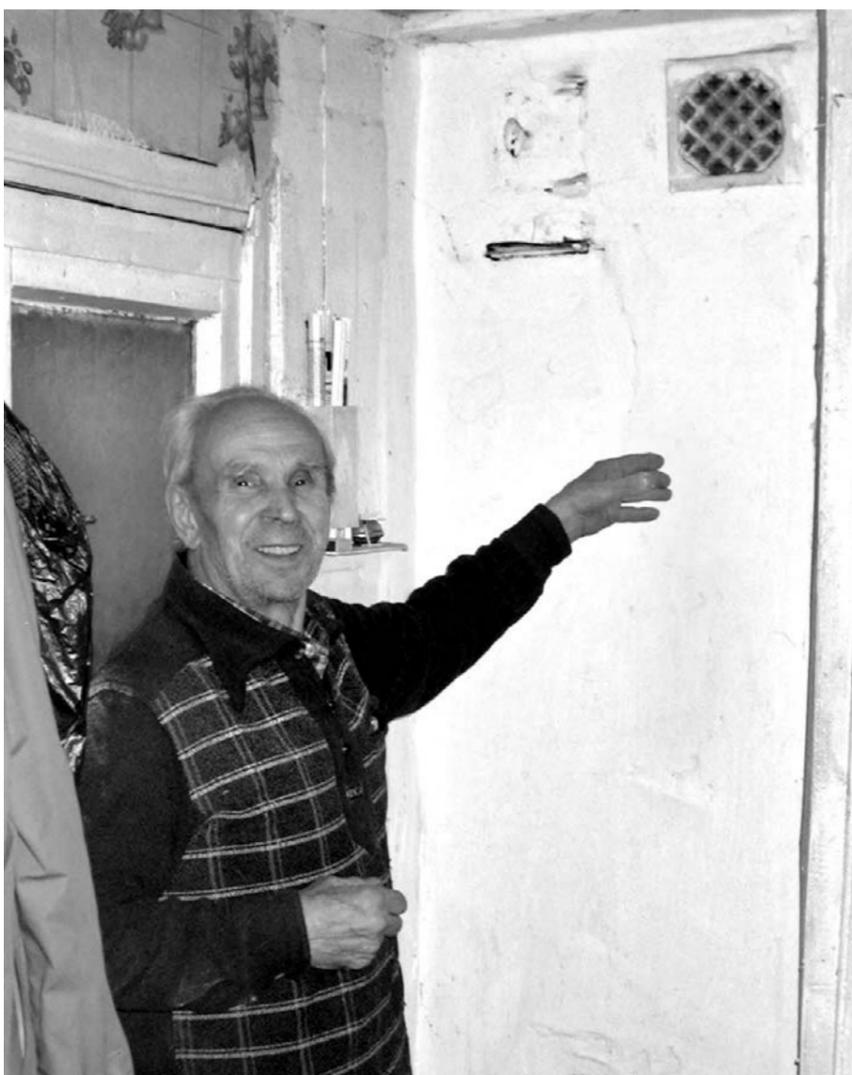
...Однажды Мишу вместе с другими пятью узниками под конвоем отправили в ближайший лесок заготавливать дрова. Уже заранее они решили при случае попытаться бежать. И попытались... Но их тут же задержали. Трех расстреляли на месте, одного повесили на суку дерева, а Мишу, вконец изможденного, похожего на ребенка, "пошадрили", наказав пятьюдесятью ударами плетки. Плетка была не простая, а с железным наконечником. Даже когда он потерял сознание от нестерпимой боли, его, в назидание другим, волоком протащили по баракам...

Только в сорок пятом узников многонационального лагеря Маутхаузена освободили американцы.

А ПОТОМ БЫЛА ДОРОГА ДОМОЙ

Миша шел по берегу Орлика. Страшно волновался. Вот-вот он окажется дома. Поравнялся с женщиной, которая рвала траву. Подумал: "Наверно, для поросенка или кроликов...". Это была его родная мать. Но они не узнали друг друга.

Калитка во дворе оказалась открытой, дверь в дом тоже едва прикрыта. Вошел внутрь — никого. Опустился на лавку. В углу

у образов светилась маленькая лампадка. А на стене, как в детстве, висели часы-ходики, отсчитывая время нехитрой мелодией: тик-так, тик-так.

И вдруг крик: "Господи, сыночек мой сидит! Так это ты прошел мимо меня? А я тебя, родненького, и не узнала...". Они кинулись друг к другу. Мама, всхлиывая, рассказывала: "А на брата твоего Ваню пришла "похоронка". Да у нас на улице в каждом доме кто-то не вернулся с войны...". Мама металась по дому, гремя посудой, приговаривая: "Сейчас, сейчас я тебя, сынок, искупаю, накормлю". Миша усмехнулся: "Мам, да я уже взрослый. Сам искупаюсь — вон в Орлике. Река-то рядом с домом".

А потом мама поставила на стол в чугунке толченую картошечку. От нее пошел такой запах и пар! Как же Миша там, в конц-

лагере, мечтал о ней. Да и не о толченой даже, на молоке, а о самой простой — в мундирах или испеченной прямо в поле.

А вечером мама просила его: "Ну не молчи, расскажи, как тебе там было? Небось, столько, бедняга, перенес...". Мише не хотелось ее к ночи пугать страшными воспоминаниями. Пусть спит спокойно... Зато ему самому всю эту ночь в родном доме, в чистой постели снилось то, что было с ним наяву там, в лагере.

НЕ ВЫПУСКАТЬ ТЕПЛО ИЗ ДОМА

Город был разрушен. Михаил пошел работать на стройку каменщиком. Ветераны помнят послевоенные трудные годы, карточную систему. К магазинам тянулись бесконечные очереди за хлебом, другими продуктами. Записывались в очередь еще затемно, сначала

вал, как кирпич клал. Старался, чтобы дымок обволакивал в печи все стеночки, перегородочки, а уж потом, отдав им всё тепло, в трубу вылетал.

Добрая слава быстро разлетается. Михаил не только клал печи на своей улице, но и с других улиц города обращался к нему

за помощью народ, даже из близлежащих деревень.

А когда он на стройке встретил Анечку свою, женился, то супруги стали работать вместе. Анечка от него ни на шаг. Жалела его, знала ему цену. Всем так и говорила: "Муж у меня дороже всякого золота".

Многие, увидев на крыше Михаила и Анечку, удивлялись:

— И жена с ним рядышком. Ишь, кирпичики кладет, мастерком раствор разглаживает, будто сама всю жизнь печником работала. Да еще на верхотуре он ей что-то на ухо шепчет. Нежности, небось...

А Михаил в это время наставлял ее: "Труба, Аня, должна всегда выситься над коньком крыши, тогда ее никакой самый сильный ветер не задует. Главное в нашем деле — не упустить тепло из дома".

ОН ОБОГРЕЛ ТЫСЯЧУ СЕМЕЙ

А когда начали на улице проводить газ, то печнику тоже работы хватало. Печи надо было переделывать уже под газовое отопление. Вот тогда Михаил Васильевич и решил пойти работать в "пожарку". А там его приходу обрадовались. Были уже понаслышаны о его мастерстве. Так и сказали ему: "Теперь есть у кого поучиться молодым. Таких наставников по городу раз-два и обчелся".

...На прощанье поинтересовалась у Михаила Васильевича:

— А сколько же за свою жизнь вы примерно печей сложили?

Не задумываясь, он ответил:

— Да тыщу будет...

Подумала: счастливый он все-таки человек. Столько семей обогрел, сколько благодарностей до сих пор слышит. Ведь, как мне рассказали ветераны, его печи до сих пор служат людям, и никто не желает с ними расстаться. А Анна Дмитриевна до сих пор всем так и говорит: "Муж у меня золотой".

Нина ГУЦЕВА.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

СВЕТЛА ПЕЧАЛЬ

Светлой краской, легкой тенью,
Кистью только прикоснусь,
И как будто с наслаждением
Разукрашиваю грусть.

Наступает вдохновенье,
Ничего уже не жаль.
Было грустным настроенье,
А теперь — светла печаль.

СТАРЫЙ ВОЛК

Старый волк оказался в загоне.

Пусть рычит, только пользы-то что?!

Все равно его пуля догонит,
Даже если бежал хорошо.
Даже если он сед и в законе,
Даже пусть знаменитейший вор...

Было время, и он верховодил,

А теперь верховодит другой.
Волчья жизнь и законы волчьи...

Человек — человеку друг...
Но когда это надо

«для пользы»,
То один остается из двух.

Юрий ВОРОБЬЕВ.
г. Ливны.

***

Покой, покой.
Ни шороха, ни всплеска.

Между холмами тень легла.
И месяца хрустальная

подвеска
Невозмутима и светла.

А там вдали, на белых домиках,
Еще и легкой тени нет.

Там все тропинки свёл оскоминой
Зеленосорванный ранет.

И семь дубов стоят навтыжку

Вокруг берёзового пня,
И огоньки — на тонкой

ниточке
Границы вечера и дня...

Любовь КОРОБОВА.
Верхняя Залегощь.

Верховский район.

